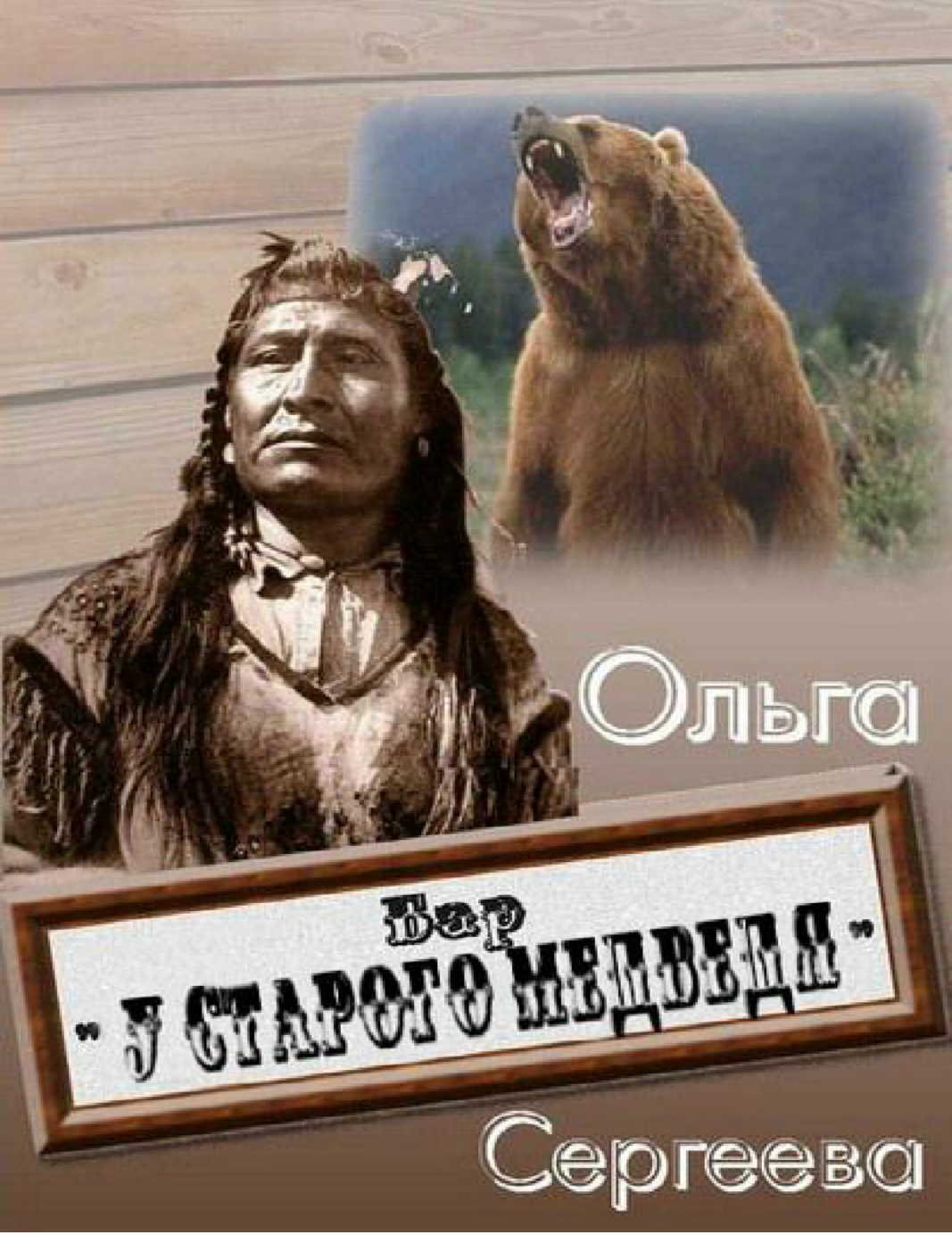
Ольга
Бар
"У старого медведя"
Сергеева

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Чем знаменит городок Ничбэй? Пляжами с великолепным песком, высокими волнами в океане, недорогими отелями для туристов… Ну, и конечно же, баром, в который непременно стоит заглянуть!

- Ольга Сергеева
  - ○

Ольга Сергеева
Бар «У старого медведя»

Бар назывался «У старого медведя». Именно так сообщала деревянная, местами немного облезлая вывеска, с изображением вышеупомянутого хищника, поднявшегося на задние лапы. Само здание, на котором она висела, было абсолютно типичным для океанского побережья: деревянным, двухэтажным, поднятым на случай особенно сильных штормов на невысокие сваи. Вокруг всего первого этажа была устроена крытая веранда. В других барах на таких обычно ставили несколько столиков, но в этом, похоже, клиентам сразу предлагалось проходить внутрь. Мейсон лихо, не сбавляя скорости, свернула с гравийной насыпи на подъездную дорожку — слышно было, как камни, взрытые колесами, ударились о днище джипа — и въехала на стоянку. Свободное место искать не пришлось — наша машина на парковке оказалась единственной. Да и не удивительно: В Ничбэе туристы на машинах не ездят (зачем им на пляже машины?), ну а местные, конечно, ездят, но посреди дня не по барам. Другое дело — служба береговой охраны. Наша задача — следить за порядком на побережье. На всем побережье. И этот бар ничем не хуже остальных. Ну, а то, что мы еще и по гамбургеру перехватим, так нужно же нам когда-то обедать!

Про то, что этот бар других не хуже, я, конечно, поторопился сказать. Нет, не хуже. Скорее, лучше. Точнее — дороже. Во всяком случае, еда уж точно стоит больше, чем в других забегаловках на пляже. Я, хоть и провел в Ничбэе всего неделю, это выяснить уже успел, и даже решился сказать об этом Мейсон, когда понял, куда именно мы направляемся. Но та, услышав мою робкую попытку высказать свое мнение, только усмехнулась, искривив губы в своей обычной манере, и ответила, что «для своих в «Медведе» и цены свои». Я со старшим напарником спорить не стал. Тем более что она, в отличие от меня, на побережье уже года три. А за такое время можно не только все забегаловки наизусть выучить, но и нужными знакомствами в них обзавестись.

В баре было прохладно и, как я и предполагал, тесно от туристов. Правда, большинство из них, как ни странно, не сидели за столиками, а толпились возле небольшой двери справа от барной стойки. Я с удивлением покосился на этих представителей рода человеческого, которых за неделю в Ничбэе уже научался безошибочно отличать от аборигенов: по бледной коже, нелепо-цветастым шортам (в независимости от пола их обладателя) и

фотоаппаратам, болтающимся на груди. Мейсон, слегка толкнув меня в плечо, прошла к одному из дальних столиков, и мне ничего не оставалось делать, кроме как последовать за ней. Официантка — квартеронка со слегка вытянутыми к вискам глазами и усталыми морщинками в уголках губ — почти сразу же подошла к нам.

— Привет, сержант! — поздоровалась она с моей напарницей, вежливо улыбнувшись и мне тоже. — Тебе как обычно?

— Ага, — Мейсон положила на стол фуражку и провела рукой по голове, ероша и без того торчащие ежиком коротко-стриженные волосы. — Нам два гамбургера и по пиву. Не возражаешь? — она взглянула на меня, и я кивнул, подтверждая заказ. Официантка ушла, а я снова обернулся на странную группу туристов, толпящуюся у двери. Те, кто стоял возле барной стойки, явно ждали своей очереди, чтобы попасть внутрь, при этом в руках наготове держали фотоаппараты, а те, кто возвращался, тоже не спешили расходиться, что-то возбужденно обсуждая. Я пожалел, что не понимаю их языка.

— На медведя смотрят! — хмыкнула Мейсон, заметив мое любопытство. Я обернулся к ней, собираясь попросить рассказать дальше, но в этот момент официантка вернулась с нашим заказом. Мейсон подхватила свою кружку — белую от осевших капелек влаги — и жадно сделала несколько больших глотков. — Ты разве вывеску не видел? — поинтересовалась она у меня. Я, в это время как раз впившийся зубами в гамбургер, только кивнул и промычал что-то, означавшее положительный ответ. — Ну, так вот, — Мейсон, явно больше хотевшая пить, а не есть, свою тарелку к себе пока не пододвигала. — Потому здесь для туристов цены и загибают, — проговорила она, — что они все равно сюда косяками валить будут: поесть и выпить заодно, а так больше на медведя посмотреть! — Мейсон глотнула еще пива и фыркнула. — Заколдованного!

— Это как? — я прожевал очередной кусок гамбургера. Моя напарница снова усмехнулась, ясно выражая свое отношение к истории, которую собиралась рассказать.

— Здесь, — она кивнула головой куда-то вверх, — на втором этаже бара живет медведь. И, по слухам, зверюге этой уже лет триста! История старая. У кого из местных ни спросишь, тебе ее каждый расскажет на свой лад. Но примерно дело было так: давно, когда белые только осваивали материк, одно племя индейцев — кавишей — снялось со своих земель и отправилось на запад — подальше от белых, разумеется. А здесь, на этом берегу, люди тогда вообще не жили — были непроходимые леса, а в них, разумеется, водились хищники — медведи, — Мейсон

отхлебнула еще пива, с явным удовольствием (то ли от напитка, то ли от истории) слизнув белую пену с губ. — Никто не знает, что не поделили между собой вожак людей и самый главный из зверей, но индейцы начали охоту на медведей. Причем, не просто выходили с копьем против зверя (или что в то время подразумевала честная схватка?) а ставили в лесу ловушки, мазали колья ядом и так далее. А когда был убит последний — самый старый медведь, терпению местных богов пришел конец, и они заколдовали вожака индейского племени. Он сам превратился в медведя, и на многие и многие дни был обречен богами стеречь свой томагавк — тот самый, которым он добивал попавшего на отравленные колья зверя! А спадет с него это проклятие, и он снова вернет свое тело, лишь когда какой-нибудь другой человек по доброй воле заберет его томагавк себе! Вот так, — Мейсон, словно в подтверждение того, что рассказ окончен, придвинула тарелку со своим гамбургером и впилась в бутерброд зубами. Я покосился на недоеденные остатки собственного, но аппетита больше не было.

— Так это что, правда? — поинтересовался я, продолжая слышать возбужденные восклицания туристов за спиной. Сержант снова фыркнула:

— Ну, томагавк так точно самый настоящий! На втором этаже бара на стене весит, — она еще раз кивнула головой вверх. — Из Вест-Ройла в прошлом году даже пара ученых приезжала на него посмотреть. Сказали, что это настоящий раритет, целую кучу денег стоит! Медведь тоже реальнее некуда! — продолжила она, усмехнувшись. — Ну, а был ли он когда-то вожаком индейцев, можешь попробовать сам у него спросить!

В это время со второго этажа бара раздался страшный раскатистый рев, что-то грохнуло об пол с такой силой, что на нас из щелей между досок посыпалась мелкая труха. Туристы с визгом и криками скатились с лестницы и отхлынули от двери. Я, заметив кривую ухмылку Мейсон, убрал руку с дубинки, которая висела у меня на поясе. Ну да. А что я такого сделал? В конце концов, нас еще на полицейских курсах учили, что оружие всегда должно быть под рукой! Мысленно повторив все это самому себе, я, однако, зеленым необстрелянным юнцом чувствовать себя не перестал. И только не говорите мне, что так оно и есть!

Рев больше не повторился, но рисковать зря, похоже, никто не собирался. Расплатившись за свой обед, туристы один за другим покинули бар.

— Сколько раз им нужно говорить: не снимать со вспышкой! — вздохнула квартеронка, положив на наш стол счет за гамбургеры и пиво. Мейсон расплатилась, но вставать не

спешила, вновь приложившись к своей кружке. Я тоже сидел: если старший по званию считает, что ближе к закату туристов на пляже уже нет, а значит, и береговой охране там делать тоже нечего, то не мне, вчерашнему курсанту, ему возражать!

В баре теперь кроме нас и официантки никого не было. Впрочем, тишина длилась недолго. Входная дверь, скрипнув петлями, вновь отворилась, и на пороге появился очередной посетитель. Мальчишка, лет семнадцати на вид, как-то не слишком уверено огляделся по сторонам и направился прямиком к барной стойке. За неделю в Ничбэе я на таких, как он, уже успел насмотреться. Впрочем, и в других пляжных поселках подобные «аборигены» тоже не были редкостью. Мальчишка был тощим, в одежде явно с чужого плеча: рваных на коленях, линялых джинсах и неопределенного цвета футболке. Его светлая от рождения кожа загорела до черноты, а высветленные солнцем давно не стриженые волосы торчали вихрами в разные стороны.

— Можно мне пива? — остановившись возле барной стойки, попросил мальчишка у квартеронки. Я, продолжая искоса наблюдать за ним, подумал, что на месте официантки прежде, чем выполнять заказ, поинтересовался бы, а есть ли у «клиента» деньги.

— Расплатиться найдется чем? — словно прочитав мои мысли, ответила та. Мальчишка замялся и вновь неуверенно оглянулся по сторонам, словно ожидая от кого-то помощи. Если от нас с Мейсон, то уж точно зря!

— Я могу поработать! — вдруг с таким лицом, будто только что принял очень серьезное решение, выдал «посетитель». — Со столов убрать и пол подмести!

Мейсон, также внимательно наблюдавшая за разворачивающейся перед нами сценой, насмешливо фыркнула, но квартеронка лишь окинула мальчишку внимательным взглядом с ног до головы, а потом кивнула.

— Щетка в углу в подсобке, тряпки на полке там же, — сообщила она новому работнику и добавила. — И я еще посмотрю, заслужишь ли ты пива!

Оглядев бар, я заметил, что после визита туристов здесь на самом деле не помешало бы хорошенько убраться перед тем, как после заката хлынут посетители из местных. Мальчишка на минуту скрылся в подсобке (дверь в нее была позади барной стойки, рядом с лестницей в «логово медведя») и появился с видавшей виды щеткой на длинной потемневшей палке. Прикинув фронт работы, он начал мести с дальнего угла, ловко закинув стулья на столы. Квартеронка с минуту понаблюдала за ним, а потом вновь подошла к нам.

— Смотри, ты его потом не прогонишь! — в полголоса, так, чтобы мальчишка не слышал, произнесла Мейсон. За неделю нашего знакомства я уже знал этот ее тон: когда она так говорила, совершенно невозможно было понять, серьезна она или шутит. — Я думаю, Уликавиш доволен не будет, что ты в его бар без него работников нанимаешь!

Имя Уликавиш я уже слышал. Так звали владельца бара «У старого медведя». Он был индейцем, и имя его, насколько я мог понять, означало что-то вроде: старший из рода кавишей. Когда я на прошлой неделе в обед заходил сюда, увидеть мне его так и не удалось. Говорили, что он работает только по ночам, а днем в баре заправляет его помощница — квартеронка. По побережью о старом индейце ходили всевозможные слухи, и теперь я с любопытством ждал продолжения разговора между официанткой и Мейсон.

— Знаешь, что я тебе скажу, сержант? — квартеронка скрестила руки на груди поверх фартука. — Уликавиш по ночам здесь, может, и один неплохо управляется, а мне днем точно бы помощник не помешал!

Я оглянулся на мальчишку. Он мел пол и не смотрел на нас. Но мне показалось, что не смотрел в нашу сторону он как-то уж очень старательно!

Официантка убрала со стола тарелки и пустые бокалы. Я потянулся за своей фуражкой, собираясь уходить, но Мейсон остановила меня:

— Еще посидим! Закат уже скоро.

— И что? — не понял я. Смена в береговой охране длилась ровно сутки, а значит, нам еще работать до следующего утра. Сержант в своей обычной манере криво усмехнулась:

— Уликавиш появится! — больше она ничего не добавила.

Окна в баре были закрыты ставнями, и, сколько нам ждать захода солнца, я бы не взялся точно определить, но спорить со старшим по званию мне опять же было не с руки. На втором этаже бара снова грохнуло что-то большое и тяжелое. Я вцепился в край стола, борясь с желанием положить руку на дубинку, и стал ждать очередного рева медведя, похоже, так и не уснувшего после «визита» туристов. Внезапно дверь с лестницы резко распахнулась! Я мысленно выругался, мгновенно понимая, что зверю, очевидно, каким-то образом удалось выбраться из его клетки, и он сейчас будет здесь!.. Но вместо этого на пороге вдруг показался человек.

Хм, человек…

Сказать, что я никогда не видел мужчину огромнее, значит, не сказать ничего! Ростом он был футов семь, и раза в два шире

меня в плечах. Иссиня-черные без какого-либо намека на седину, на вид жесткие, словно проволока, волосы доходили ему до середины лопаток и на концах были заплетены в несколько косичек. Одежда мужчины состояла из кожаных штанов и домотканой, украшенной множеством каких-то оберегов, безрукавки. Но на все это я обратил внимание лишь позже, а в первое мгновение увидел лишь многочисленные шрамы, покрывавшие смуглую красноватую кожу на груди, руках и лице мужчины. Три особенно глубоких, шедших параллельными бугристыми дорожками, обвивали его правое предплечье, а еще один рассекал левую бровь и тянулся через всю щеку к подбородку.

Мне не нужно было гадать — я уже понял, что наконец-то встретился с хозяином бара «У старого медведя»!

Уликавиш, заметив Мейсон, приветственно кивнул ей и уже собирался подойти к нашему столику, но в этот момент позади него мальчишка, напросившийся подработать, задел плечом стул, и тот с громким стуком рухнул на пол. Хозяин «Медведя» обернулся на грохот, и двигался он в этот момент почти так же, как и тот огромный лесной хищник, в честь которого он назвал свое заведение! Мальчишка с грехом пополам поднял стул и встал возле него, вцепившись обеими руками в свою щетку, словно собирался использовать ее как оружие.

— Ты еще кто такой?! — Уликавиш стремительно и абсолютно бесшумно приблизился к нему, ловко огибая многочисленные столы. Он больше чем на фут возвышался над мальчишкой, так что тому пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть хозяину бара в лицо. Он бы, наверное, с радостью отступил назад, но позади него был стол, в который он и так уже упирался спиной!

— Она сказала, что я могу здесь подработать! — мальчишка кивком головы указал на квартеронку, по-прежнему стоявшую за барной стойкой. Та отложила полотенце, которым вытирала пивные бокалы.

— Да, шеф, сказала! — женщина вновь воинственно скрестила руки на груди. — Скоро уже клиенты снова пойдут и одной мне здесь точно не убраться!

Уликавиш даже не оглянулся в ее сторону, продолжая испепелять взглядом мальчишку.

— Ты бледнокожий! — наконец процедил он. — А бледнокожие в моем баре не работают! Или ты хочешь войти в род кавишей? — добавил он после небольшой паузы.

Мальчишка ответил не сразу, явно с трудом соображая, чего от него добиваются и как следует на это реагировать.

— Если надо… — наконец выдавил из себя он и вновь посмотрел на квартеронку, словно надеялся: та подскажет ему, что делать. — Я могу, если надо! Мне очень нужна эта работа, сэр!

— Ну, что ж, значит, будем посвящать тебя в род!

Уликавиш стоял ко мне спиной, и я не видел его лица, но, судя по тону голоса, мог поспорить, что он усмехнулся. Мужчина потянулся к ножнам, висевшим у него на поясе, и вынул из них здоровенный слегка изогнутый тесак! И я мгновенно понял, что, несмотря на прослушанные курсы в полицейской академии и всех инструкторов, до этого момента даже не замечал, что индеец вооружен! Я начал вставать из-за стола раньше, чем решил, что буду делать, но сержант схватила меня за руку, вновь заставив остаться на месте!

Мальчишка покосился на нож в руке Уликавиша, явно пытаясь решить, пора ли ему уже начинать бояться. Тот стянул безрукавку, обнажив мускулистый покрытый шрамами торс, и указал на один из них, особенно глубокий и страшный.

— Вот сюда ставится первая отметка, — совершенно спокойно и даже как-то дружелюбно начал объяснять он. — Потом здесь, здесь и здесь, — пальцы указали еще на три шрама покороче, проходившие примерно напротив сердца. — Ну, а потом уже эти, если раньше кровью не истечешь и жить останешься! — пальцы скользнули по рубцам на предплечьях. — Ну, а после этого можно будет считать тебя настоящим кавишем!

Деревянная рукоять щетки стукнула об пол, когда мальчишка попытался швырнуть ее в индейца, а сам он, ловко поднырнув под стол, вылетел прочь из бара!

Квартеронка обогнула стойку и, тяжело вздохнув, посмотрела на кучу мусора, уже сметенную, а теперь вновь растоптанную по всему полу. Уликавиш не глядя убрал свой тесак назад в ножны и, утешительно хлопнув ее по плечу, повернулся к нашему столику. Пару мгновений они с Мейсон просто смотрели друг на друга, а потом одновременно захохотали так, что с потолка «Старого медведя» вновь посыпалась пыль!

Вскоре в бар опять стали подтягиваться посетители, а мы с сержантом вернулись к работе, отправившись на вечерний объезд нашего участка. На этот раз за руль джипа сел я. Мейсон говорит, что я езжу со скоростью не до конца проснувшейся черепахи! Ну… Это ли не повод, чтобы больше тренироваться?

За то время, пока мы сидели в баре, закат успел догореть, и на побережье стремительно опускалась ночь.

Я как раз собирался выехать на главную дорогу, как вдруг в ближайшей подворотне мелькнула знакомая тень. Я резко нажал

на педаль тормоза. Мейсон, как раз что-то искавшая в бардачке, чуть не приложилась лбом о приборную панель и витиевато выругалась. Я поспешил извиниться.

— Что там еще? — спросила она, когда минуту спустя мы так и не тронулись с места. Я продолжал вглядываться в густой полумрак, царивший в подворотне.

— Мне показалось: там тот мальчишка, — ответил я, не оборачиваясь к ней, — что был в баре.

— И что дальше? — в голосе сержанта начинали прорезаться нетерпеливые нотки. Я все же решился посмотреть на нее.

— Если он готов был работать только за еду, значит, ему действительно некуда больше пойти!

— Ну, пиво — это не еда! — насмешливо протянула она, а в следующее мгновение вдруг стала абсолютно серьезной. — И ты же не собираешься помогать всем бродяжкам на побережье?!

— Нет! — бросил я, расстегивая ремень безопасности и выпрыгивая из джипа.

Я не ошибся: в подворотне, прислонившись к деревянной стене какого-то лодочного сарая, действительно сидел тот мальчишка из бара. И ему на самом деле негде было ночевать. Поздней весной в Ничбэе, конечно, и на улице не замерзнешь… Может быть, поэтому на предложение провести ночь в участке береговой охраны, он согласился не сразу. А может быть, из-за Мейсон, отнюдь не дружелюбно смотревшей на него из окна джипа. Сдался мальчишка, лишь когда я сказал, что у меня найдется пара бутербродов и сколько он захочет свежесвареного кофе!

Звали его, кстати, Стью. Имя — такое же обычное и незапоминающееся, как и сам мальчишка.

Бутерброды, целый день пролежавшие в ящике моего стола в участке, даже несмотря на то, что были завернуты в фольгу, порядочно засохли, но Стью набросился на них так, словно не ел как минимум пару суток! Впрочем, почему «как»?.. Я усадил мальчишку на гостевой стул возле своего стола, налил ему кофе в пластиковый стаканчик и решил ни о чем не спрашивать, пока он не поест. Мейсон, чей стол стоял вплотную к моему, вносила в форменный бланк данные о расходе бензина за прошедшие полсмены, но время от времени все же косилась на мальчишку, сосредоточенно уминавшего бутерброды.

— Сильный аппетит разыгрывается, когда так быстро бегаешь! — наконец не выдержала она. Стью резко развернулся к моей напарнице, не забыв, впрочем, проглотить последний кусок подсохшего хлеба с завяленным сыром.

— Этот псих индейский меня чуть не убил, а вы смотрели и

даже пальцем не шевельнули! Тоже мне полицейские! — в его голосе было столько искренней и какой-то абсолютно детской обиды, что я невольно порадовался, что смотрит он в этот момент не на меня. А вот на лице Мейсон ни один мускул не дрогнул!

— А мы не полицейские! — она размашисто расписалась в правом нижнем углу заполненного бланка. Отложенная в сторону ручка убедительно стукнула по столешнице. — Всего лишь береговая охрана. Следим, чтобы туристы не стали ужином для акул!

— И все равно! — мальчишка явно не собирался сдаваться. — У вас на глазах режут человека, а вы только смеетесь!

— Не строй из себя идиота! — рыкнула Мейсон, наклоняясь к мальчишке через стол, и на этот раз в ее прищуренных глазах не было и тени смеха. — Никто тебя резать не собирался! Все шрамы Уликавиша — от звериных когтей. И уж точно там нет ни одного следа от ножа!

Выражение обиды на остроносом лице мальчишки растаяло бесследно, мгновенно сменившись столь же детским и наивным любопытством.

— Так, значит, он с тем медведем сражается?! — неизвестно зачем понизив голос, заговорщически прошептал он. И не было никакого сомнения, что говорит он о том самом «заколдованном» медведе из бара, за фотографиями которого охотятся все туристы, приезжающие в Ничбэй. Похоже, местная легенда производила неизгладимое впечатление не только на них, но и на бездомных бродяжек! Мейсон не выдержала и фыркнула, очевидно, решив, что злиться на такого безнадежного идиота — лишь впустую тратить время!

— Ага! — она кивнула. — Два раза в сутки: на закате и на рассвете. Причем с переменным успехом!

Мальчишка, похоже вновь обидевшись на нее, отвернулся, не сказав больше не слова. Я потрепал его по плечу, посоветовав не обращать внимания на нрав сержанта. Мейсон сделала вид, что не слышит меня. Она подколола заполненный бланк в аккуратную папочку к другим таким же, а саму ее убрала в сейф. Массивный стальной шкаф, стоящий позади стола сержанта, был битком набит всевозможными бумагами, и только на верхней полке, кое-как всунутое между двумя пухлыми папками, лежало ружье — специальная модель, заряжаемая ампулами с транквилизатором. Нам полагалось брать его с собой на пляжные дежурства на тот случай, если возле береговой линии заметят акул. Мейсон рассказывала, что за три года ее работы в береговой охране Ничбэя ей так и не пришлось им воспользоваться. Ружье, впрочем, было исправно, а полная коробка «патронов» к нему,

лежа на полке ниже.

Мейсон захлопнула противно скрипнувшую дверцу и заперла замок. Потом обошла стул, на котором сидел Стью, и бросила ключ в верхний ящик стола: он всегда там лежал — под рукой у старшего смены береговой охраны. Затем она, оставив свою фуражку висеть на крючке возле двери, вышла из комнаты. В заднем помещении службы, там, куда не доходили многочисленные днем посетители, у нас стоял диван. Старый и продавленный, с выпирающими пружинами, но при большом желании на нем все же можно было немного вздремнуть. В полночь нам полагалось делать еще один объезд пляжа, и обычно до этого времени Мейсон отправляла поспать меня, но сегодня, очевидно, решила изменить традиции. Я посмотрел на Стью, задрав голову, разглядывавшего подробную карту побережья, целиком занимавшую одну из стен нашей служебки, и нехотя включил компьютер. Похоже, сержант молчаливо намекнула, что мне тоже пора сделать отчет. Жаль все-таки, что служба береговой охраны — это не бар, где можно нанять первого попавшегося попрошайку поработать вместо тебя за еду! Ну, или за пиво…

Очнулся я оттого, что страшно затекла шея. Голова лежала на скрещенных руках, те — на столе. Монитор компьютера, в который я практически уткнулся макушкой, погас, значит, заснул я уже некоторое время назад. Интересно, а отчет я хотя бы успел доделать?

Я потянулся, разминая онемевшие от неудобной позы мышцы, потом встал со стула, несколько раз наклонившись из стороны в сторону, и только в этот момент заметил, что что-то в комнате было не так. Я тряхнул головой: не проснувшийся мозг отказывался соображать, что именно. Потом все-таки понял… Сейф был открыт! Ключ торчал в замке, а сама дверца была повернута ровно до того положения, чтобы не скрипнуть!

Я зачем-то еще проверил ящик стола (естественно, тот был пуст!) и только потом бросился к сейфу. Рыться в папках и пытаться понять, не исчезло ли что-нибудь из них, было делом муторным и заранее обреченным на неудачу. Тем более что самую главную пропажу не заметить было невозможно: ружье, все время лежавшее на верхней полке, и коробка с ампулами транквилизатора исчезли!

И снова не проснувшийся мозг обрабатывал поступающую в него информацию лишь частями: только сейчас я понял, что Стью в комнате не было!

— Сержант!..

Самое главное, наверное, что в полицейской академии вдалбливали в голову каждому курсанту: если случилась неприятность, первым делом доложи старшему по званию! И сейчас я закричал даже раньше, чем решил, что именно следует предпринять.

Мейсон появилась в дверях, словно и не спала вовсе — почти мгновенно, на ходу цепляя дубинку к ремню форменных брюк. Ей, в отличие от меня, оказалось достаточно лишь одного взгляда на раскрытый сейф, чтобы понять, что произошло!

— Не стой столбом! — рявкнула она, срывая фуражку с крючка и бросаясь вон из служебки.

В джип мы заскочили практически одновременно, и на этот раз я не стал даже заикаться о том, чтобы сесть за руль. Мейсон газанула с места так резко, как умела только она одна, взрыв колесами джипа гравий с дорожки.

— Зачем ему «акулье» ружье? — решился спросить я, кое-как пристегивая ремень безопасности. О том, что доза транквилизатора гарантированно уложит и человека, я в этот момент старался не думать.

— На крупных хищников твой Стью решил поохотиться! — огрызнулась Мейсон.

«Мой Стью»… И ведь не поспоришь!

О том, куда мы едем, я не спрашивал — мне казалось: я и так уже это знаю.

Бар «У старого медведя» показался из-за очередного поворота. На этот раз стоянка возле него была забита, и Мейсон, не тратя времени на поиски свободно места, бросила джип прямо на подъездной дорожке и, выскочив из машины, бегом бросилась к входной двери. Я последовал за ней. Но оба мы, и я, и сержант, не успели… Справа и сверху раздался треск ломаемого дерева! Мейсон резко развернулась в ту сторону. Мое отставание теперь оказалось мне на руку, и обогнули бар мы с ней одновременно и как раз вовремя, чтобы увидеть знакомую мальчишескую фигуру, ломая ставни выпрыгнувшую из окна на втором этаже, перекатившуюся по песку, гася удар, и стремглав бросившуюся в сторону пляжа! Было темно, но мне показалось, что в руке у Стью блеснуло что-то металлическое. И отнюдь не похожее на ружье!

Я метнулся вслед за ним, но вдруг заметил, что Мейсон, совершенно спокойно скрестив руки на груди, остановилась и с какой-то странной улыбкой на губах смотрит вслед убегающему мальчишке.

— Эй! — окликнул я ее. — Мы еще успеем его догнать!

Сержант по-прежнему не сдвинулась с места ни на шаг и даже не посмотрела в мою сторону, а из-за угла бара в этот

момент вдруг появился его хозяин. Уликавиш подошел к Мейсон и точно также скрестил руки на груди и принялся задумчиво смотреть вслед мальчишке, уже практически растворившемуся в темноте.

— Стью никого не ранил? — я в первый раз обращался к индейцу и, делая это в подобной обстановке, чувствовал себя не слишком уверенно. — Он стащил у нас ружье с транквилизатором… — попытался объяснить я, но замолчал, когда Уликавиш перевел взгляд на меня.

— Мальчишка думал, что к томагавку ему придется пробираться мимо медведя! — индеец усмехнулся, отчего шрамы на лице пришли в движение, превратив его в асимметричную маску. — Кто же знал, что того не окажется на месте?..

— А ружье где? — спросил я, чувствуя, что вообще перестаю что-либо понимать!

— Там твое ружье! — Уликавиш кивнул головой в сторону бара. — Как только мальчишка добрался до томагавка, оно ему перестало быть нужно!

Я с трудом удержался от вопроса, начинавшегося со слов: «А как же…» Кажется, картинка начинала понемногу складываться у меня в голове. И как я раньше мог быть таким идиотом! Мейсон ведь говорила мне, что этот томагавк — какой-то там стоящий жуткую кучу денег раритет! А значит, нет ничего удивительного в том, что на него нашелся воришка! Я вспомнил блеск светлого металла в руке убегающего Стью… И ведь сегодня днем он не просто хотел заработать себе поесть — он хотел попасть именно в этот бар!

— Мистер Уликавиш! — обратился я к индейцу. «Бледнолицее» обращение и имя старого вождя плохо сочетались между собой, но я решил не обращать на это внимания. — Я обещаю вам: мы обязательно найдем вора и вернем вам ваше имущество!.. — я хотел, чтобы мой голос звучал уверенно, но под взглядом индейца, который я иначе как странным не мог назвать, конец фразы сам собой смялся.

— Не будем мы никого искать! — вдруг произнесла Мейсон, до этого не вступавшая в разговор, и Уликавиш, словно соглашаясь с ней, вновь повернулся в сторону берега — в ту сторону, куда скрылся воришка.

— Этот томагавк и так был у меня слишком много дней!

Пару минут они просто молчали, и я тоже не знал, что мне следует сказать или сделать, но вдруг Уликавиш снова повернулся к Мейсон.

— Не знаешь, долго еще до рассвета? — спросил он. Сержант усмехнулась:

— Не больше нескольких часов. Не бойся: уже недолго осталось!

Я повернулся к ней, собираясь все-таки спросить, что мы будем делать, но так и не задал вопроса: потому что понял, что на этот раз ошибся: она не кривила губы в своей обычной едкой усмешке. Она улыбалась, не отрывая взгляда от горизонта. И я только теперь понял, что оба они смотрят на восток!

— Жаль только название у бара теперь придется менять! — разорвал вновь наступившую тишину индеец. Мейсон обернулась на вывеску и нарисованного на ней коричневого хищника, широко раскрывающего пасть в беззвучном реве.

— Как тебе «У старого охотника на медведей»? — предложила она. — По-моему, неплохо!

© Copyright Сергеева Ольга, 18/12/2009